

Л. Болтански, Л. Тевено

СОЦИОЛОГИЯ КРИТИЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ

Критический момент

В данной статье мы сосредоточим внимание на анализе особого типа моментов, играющих важную роль в общественной жизни*. Для обозначения этих моментов мы будем использовать термин *критические моменты*, который отражает одновременно и критическую деятельность людей, и необычность момента кризиса. Важное значение имеет рефлексивность этого критического момента. Изначально ситуация примерно такова: люди, вовлеченные в повседневные отношения, «делающие что-то вместе» – скажем, в политике, на работе, в профсоюзной организации – и вынужденные координировать свои действия, понимают – что-то не так и они не могут больше ладить друг с другом, нужно что-то менять.

Слово *to realize* имеет двойное значение: оно указывает одновременно и на направленное внутрь рефлексивное движение, и на действие во внешнем мире. В процессе осознания (*realizing*) того, что что-то не так, нужно отстраниться от настоящего и обратиться к прошлому. Воспоминания о старых вещах, законченных действиях, забытые слова возвращаются в наши мысли благодаря избирательному процессу, связывающему их друг с другом, и в итоге создается единая смысловая картина. Этот ретроспективный поворот останавливает действие.

Однако для прекращения действия есть и другая причина. Человек, понимающий, что что-то не так, редко хранит молчание. Чаще всего он не оставляет свои чувства при себе. Понимание того, что что-то не так, чаще всего означает для человека невозможность жить так дальше. Поэтому человек стремится поделиться проблемами с людьми, с которыми он до сих пор осуществлял совместную деятельность.

Выражение этого недовольства может окончиться «сценой». Сама сцена принимает различные формы. Она легко может превратиться в насилие, однако мы не будем рассматривать этот вариант.

* Первым вариантом этого текста стала лекция, прочитанная Люком Болтански в Институте специальных исследований (Institute for Advanced Study) Принстона, значительно улучшенная благодаря внимательному прочтению, комментариям и помощи Терри Нардин. Идеи, представленные в данной работе, были развиты в [1; 2; 3].

Болтански Люк – профессор Высшей школы социальных наук (Париж); руководитель Группы политической и моральной социологии (Париж).

Адрес: EHESS, Groupe de sociologie politique et morale, 54, bd Raspail, F-75006 Paris.

E-mail: boltanski@ehess.fr

Тевено Лоран – профессор Высшей школы социальных наук (Париж); руководитель Группы политической и моральной социологии (Париж); старший научный сотрудник Центра изучения занятости (Париж).

Адрес: EHESS, Groupe de sociologie politique et morale, 54, bd Raspail, F-75006 Paris.

E-mail: thevenot@ehess.fr

Чаще сцена заключается в пререканиях, обмене критикой, упреками и обидами. Сцена становится спором. Слово «сцена» предполагает домашние ссоры, слово «спор» – правовой процесс. Если первые рассматриваются как неформальные, то вторые регулируются правовой системой. Но существует множество промежуточных случаев, таких, например, как споры в цехах или в офисе, между клиентами и служащими, или уличные споры между водителями. После исследования общих черт этих очень разных ситуаций мы попытаемся обрисовать общие рамки анализа процесса спора в комплексном обществе.

Первой характерной чертой этих ситуаций является то, что вовлеченные в них люди подчинены императиву оправдания. Тот, кто критикует других людей, должен оправдываться, чтобы поддержать свою критику. Точно так же тот, кто является объектом критики, должен оправдывать свои действия, чтобы отстаивать свою точку зрения. Эти оправдания должны соответствовать правилам приемлемости. Мы не можем сказать, например: «Я не согласен с вами потому, что мне не нравится ваше лицо». Причем для того, кто критикует, и для того, кто должен отвечать на критику, эти правила приемлемости вряд ли будут различными. Таким образом, система анализа процесса спора должна иметь возможность рассматривать как критику любого социального или ситуативного порядка, так и оправдание настоящего порядка при помощи одних и тех же инструментов.

Кроме того, данные ситуации в любом случае являются временными, поскольку они нарушают обычный порядок действия, – постоянно жить в состоянии кризиса невозможно. Одним из путей выхода из кризиса служит возвращение к согласию. Поэтому система анализа должна иметь возможность рассматривать и согласие, и разногласие с помощью одних и тех же приемов.

Наконец, подобные споры не являются только вопросом языка. В споры вовлечены не только люди, но и значительное количество предметов: например, в случае профессионального спора это компьютер, данные в котором были стерты; в случае спора между наследниками это дом или земля; или, в случае домашней сцены, посуда, которую нужно вымыть и т.д. Система анализа должна быть предназначена для того, чтобы рассматривать споры реального мира, т.е. описывать то, каким образом споры связывают друг с другом людей и предметы.

Установление эквивалентности

Давайте обратимся к моменту, когда люди вступают в спор. Важный признак этого момента связан с установлением эквивалентности. Для того, чтобы критиковать кого-либо и объяснять другому, что не ладится, нужно свести воедино различные множества людей и предметов, установив связи между ними. Например, нужно соединить ситуации и моменты прошлого, чтобы обнаружить общие для них и подходящие в данном случае свойства. Процесс сведения различных предметов или различных фактов должен быть оправдан с помощью принципа эквивалентности, который показывает, что между ними общего*.

На подобных действиях основывается не только спор, но и согласие. Люди стремящиеся к согласию, должны, следовательно, сосредоточиться на внешней по отношению к ним конвенции эквивалентности.

Например, рассмотрим спор между двумя водителями после аварии. Яростное возмущение одного из них может быть вызвано целым рядом неприятностей, произошедших с ним в тот день: жена заболела, сын получил плохие оценки, начальник устроил разнос, беспокоит боль в горле (может быть, рак?) – а тут еще этот бестолковый тип врзается в его новую красивую машину. Это уж слишком! Но у второго водителя тоже может быть целый ряд личных причин, чтобы жаловаться на этот ужасный мир: только вчера умерла мать, возросли налоги, издатель отказался печатать его новую книгу. А тут еще этот идиот прямо посреди дороги. Это уж слишком! Если они хотят избежать насилия, они должны суметь отбросить большую часть этих причин недовольства как «частные» и обратиться к общему определению соответствующих ситуации объектов – таких, как правила движения, состояние покрышек и т.д. Но чтобы их выбор релевантных и нерелевантных объектов совпал, у них должна быть общая способность понимать, что и в какой степени подходит для данной ситуации. То есть у них должно быть общее определение формы общности, которое позволяет связать данную ситуацию с другими, отождествляемыми как сходные.

Возможность ссылки на принцип эквивалентности является также предпосылкой для минимального подсчета. Таким образом, для того, чтобы последовательно обвинять или критиковать, нужно быть наделенным некой способностью к подсчету. Например, если вы хотите раздраженно сказать коллеге, с которым во вместе пишете книгу: «Я ксерокопирую и делаю все время всю черновую работу, в то время как Вы, уютно устроившись в кресле, читаете интересные книги», вы должны совместить и уравновесить ряд достаточно разбросанных и разнородных действий. Нам представляется, что необходимость акцентирования эквивалентности является основным признаком того способа или режима, каким люди управляют спором. Мы будем называть этот режим оправдания режимом справедливости.

Наоборот, при естественном ходе обычного действия эквивалентности не подчинены преднамеренной рефлексии. Вместо этого эквивалентности, которые поддерживают координацию действий, могут быть, например, заключены в объектах или объективированных правилах. Возможно, наиболее часто цитируемым примером является стандартизация времени и расписания.

При другом способе или режиме кооперации, который мы будем называть аффективным режимом (режимом агапэ) (*régime d'agapè*) [3], вместо того, чтобы ответить необходимыми для обвинения и критики операциями аккумуляции и подсчета, люди активно взаимодействуют, уходя от эквивалентности. Эмоционально напряженная сцена, в которую вовлечены люди, объединенные аффективной связью, расположена как раз на границе между режимом действия, нацеленным на прекращение измерения эквивалентности, и режимом действия, в котором люди уделяют ему особое внимание. Подобного рода сцены часто изображаются в художественной литературе. Но чаще всего авторы прибегают к ним, описывая любовные отношения. Однако, как показывает

полевая работа, такие сцены также часто происходят между людьми, вовлеченными в профессиональные взаимоотношения. При переходе от одного режима к другому человек разочарованно смотрит на произошедшие события: «Как это я мог быть таким дураком: как наивно с моей стороны, как глупо, что меня так использовали! Двадцать лет я делаю ксерокопии или (в другом случае), я мою посуду, не получая ничего взамен. Теперь-то я понимаю...». Но этот неприятный момент не является моментом истины, как его часто называют те, кто его пережил. Режим подсчета не является ни более истинным, ни более близким к действительности, чем режим, в котором люди сдерживают свое стремление к подсчету. Иллюзию ослепляющей истины дает изменение восприятия мира, происходящее из-за быстрого переключения от одного режима к другому.

Режим оправдания, необходимым условием которого являются коллективные конвенции эквивалентности, нужен только чтобы справиться с неудачей и определить, что соответствует случаю, и когда уже недостаточно более локальных режимов координации, основанных либо на «личностной пригодности», либо на «конвенциональном использовании» [7]. В «режиме близости» [8, р. 72–101] человек непосредственно взаимодействует с привычным окружением как дома, так и на работе. Динамика вовлеченности в значительной степени зависит от личностной и локальной подоплеки, которая, по всей видимости, недоступна стороннему наблюдателю. Все особенности поведения покажутся странными тому, кто недостаточно хорошо владеет тем глубоко личным знанием, которое человек составляет для себя путем долгого и отчасти взаимного приспособления к своему окружению. Теперь представьте, что его сменяет незнакомец. Возникает потребность привести «место» в порядок, в состояние, которое соответствовало бы совершенно иному режиму вовлеченности, основанному на регулярном запланированном действии, которое, в свою очередь, основывается на планах и функциональностях. Это включает в себя разрушение значительной части привычного потенциала комплексной сети места обитания. Глубоко привычный инструментарий не соответствует формату обычных анонимных планов с функциональными артефактами. Человек должен предвосхищать нормальные планы и приводить в нормальное состояние активно использовавшиеся предметы. Для того, чтобы контролировать данный режим вовлеченности, достаточно обычного использования языка, абстрактно обозначающего действия и объекты. Это резко отличается как от личностной пригодности (где язык носит во многом индексальный и телесный характер), так и от коллективных конвенций (где язык становится строго условным). Если что-то не заладится и спор разрастется, участники дискуссии выйдут за пределы подразумеваемых допущений о нормальной интенции действия или о хорошем состоянии объекта. Теперь, чтобы оправдать свои притязания, они будут ссылаться, например, на общие принципы эффективности или безопасности. Они будут основывать свои доводы на весьма широких конвенциональных требованиях, которым люди или неодушевленные сущности обязаны удовлетворять, чтобы быть квалифицированными. Они будут подвергать квалификации конвенциональной проверке.

Во время спора ссылка на принцип эквивалентности является базовым действием, которое обязательно выполняется для того, чтобы выдвинуть требование, указать на несправедливость и потребовать возмездия. Для того, чтобы не допустить насилия, недовольный человек должен, выражая свои претензии, таким образом связать их с доказательствами и оправданиями, чтобы их можно было удовлетворить.

Если согласиться с идеей о том, что оправданные споры всегда основаны на разногласии, объектом которого является относительный порядок ценности или величины (*la grandeur*) различных сущностей, представленных в ситуации, то можно связать друг с другом очень разные картины.

Обсудим, например, такую часто возникающую проблему: как распределить блюда между гостями во время трапезы, если стол большой и гости не могут обслужить себя сами, как во время фуршета. В ходе такой трапезы нельзя избежать вопроса о порядке раздачи блюд, причем этот вопрос должен быть поставлен публично. Можно, конечно, попытаться уйти от проблемы, следуя временному или пространственному порядку, который нейтрализует социальное значение обслуживания первым. Он состоит в том, чтобы, отказавшись от обслуживания по очереди, хозяин просто посылал блюда вокруг стола. Но во всех других случаях временной порядок обслуживания легко принять за порядок обслуживания по старшинству в соответствии с относительной важностью или ценностью гостей.

Однако использование этого порядка может быть затруднено, особенно если появляется возможность одновременного существования различных порядков ценности. Кому первому предлагать блюдо: бабушке или шефу хозяина? Так как в одной и той же ситуации присутствуют различные возможные порядки, возникает возможность протеста. Условие гармоничной и гладкой сцены — это подразумеваемое согласие участников относительно тех качеств, которые должны быть подчеркнуты порядком обслуживания. Однако предпосылкой такого согласия является общее признание конвенциональной эквивалентности, которая может поддержать суждение об относительной величине или ценности задействованных людей. Даже если обращение к этой конвенции не явное, оно должно быть достаточно прозрачным для того, чтобы создать ситуацию, которая, как кажется, основана на естественном порядке.

Возможность легитимного соглашения

Одним из основных признаков того типа соглашения, которое мы имеем в виду, является его подверженность и, реальное или потенциальное, противостояние критике. Именно поэтому, чтобы была возможность сопротивления в случае нападков, оно должно быть оправданно. Таким образом, нашей целью будет не взаимное и зависящее от обстоятельств соглашение между индивидами (которое можно назвать недоказуемым и которое, следовательно, вполне может быть логически непоследовательным), а оправданное соглашение, направленное на встречу с критикой. Можно заметить совместимость подобных соглашений с необходимостью обобщения.

Мы могли бы, конечно, оставить без внимания проблему легитимности соглашения, ограничившись объяснением, построенным исключительно на понятиях случайности, обмана или принуждения, но мы хотим обстоятельно рассмотреть данную проблему, особо выделяя процесс оправдания. Конечно, нельзя недооценивать роль господства, принуждения, интересов или даже обмана, заблуждения и самобмана в социальной жизни. Но представление социального мира, целиком и полностью основанного на обмане и заблуждении, уже не могло бы объяснить опыта самих социальных акторов.

Основная проблема критической социологии состоит в том, что она не может объяснить критические действия, предпринимаемые акторами. Поэтому социология, которая хочет изучать критические действия акторов, – социология критики как особое направление – должна отказаться (хотя бы на время) от критической позиции, чтобы выявить нормативные принципы, лежащие в основе обыденной критической деятельности людей. Если мы хотим обстоятельно рассмотреть те требования акторов, которые они выдвигают, осуждая социальную несправедливость, критикуя отношения силы или раскрывая скрытые мотивы своих противников, мы должны представлять себе акторов, наделенных способностью различать легитимные и нелегитимные способы критики и оправдания. Точнее говоря, это компетенция, характеризующая обычное чувство справедливости, которым люди руководствуются в споре. Теперь мы попытаемся представить анализ этой компетенции. Нашей целью будет описание чувства справедливости акторов, – или, точнее говоря, их чувства несправедливости – и построение моделей компетенции, которой должны обладать акторы, сталкиваясь с повседневными критическими ситуациями. Таким образом, этот подход отличается от моральной философии, стремящейся обнаружить некоторые нормативные принципы и процедуры, ведущие к справедливости, хотя нормативную модель справедливости можно построить и на основе описанного нами чувства справедливости актора*.

Можно передать требование легитимности следующим весьма практическим утверждением: критику или оправдание можно назвать легитимными в конкретной ситуации, если говорящий может придерживаться их независимо от социальных характеристик вновь прибывшего. Следовательно, требование легитимности приводит в действие процесс обобщения.

Моделирование чувства справедливости

В ситуациях оправдания люди должны основывать свои позиции на легитимной ценности. Но это не значит, что все формы поведения нужно сводить к одному единственному принципу эквивалентности. Наша работа направлена на построение исследовательской стратегии в поле социологии, – подобно тому, как это сделал Майкл Уолцер в философии справедливости, – которая позволила бы нам избежать

* Сравнение этого чувства справедливости с теориями справедливости Джона Ролза и Майкла Уолцера см. [9, р. 221–253] и в статье «Оправдание и компромисс» [10, р. 789–794]. Поль Рикер сравнил место, которое отводится политике в модели Уолцера и в нашей модели [11].

альтернативы между формальным универсализмом и видом неограниченного плюрализма, который часто становился ответом эмпирических дисциплин, например, истории или социологии, на трансцендентальные позиции.

Для классической социологии множественность ценностей есть результат множественности социальных групп. Но в данной системе на вопрос согласия между людьми, принадлежащими к различным группам, сложно ответить, не прибегая к объяснению, основанному, главным образом, на господстве, власти или силе. Наоборот, теории морали, посвященные анализу предпосылок справедливого общества, чаще всего ориентированы на поиск универсальной процедуры, дающей основание общей конвенции. Полезность этих конструкций для социологической работы заключена в основном в их систематичности и последовательности. Однако когда они сталкиваются с разнообразием ситуаций, в которые вовлечены члены сложного общества, они могут показаться утопическими.

Альтернативы между формальным универсализмом и неограниченным плюрализмом можно избежать, приняв во внимание возможность ограниченного множества принципов эквивалентности, которые могут быть использованы для подкрепления критики и согласия [2]. Обращение к различным видам общего блага делает возможным выявление различных путей определения состояния ценности человека. К тому же в этой модели различные формы эквивалентности связаны не с различными группами – как в классической социологии, – а с различными ситуациями. Из этого следует, что человек, чтобы действовать нормально, должен перемещаться между ситуациями, соответствующими различным формам эквивалентности, в течение одного дня или даже одного часа. Различные принципы эквивалентности формально несовместимы друг с другом, так как каждый принят в ситуации, в которой его валидность установлена как универсальная. Отсюда следует, что люди должны иметь возможность игнорировать или забывать, находясь в какой-либо ситуации, те принципы, на которых они основывали свои оправдания, будучи в другой ситуации.

Чтобы обнаружить легитимную ценность, доступную людям в обычных ситуациях, когда они должны прояснять свои основания и оправдываться, мы использовали следующую стратегию. Мы взяли два различных источника, весьма далеких друг от друга, и обращались то к одному из них, то к другому. Точнее говоря, было даже три корпуса данных. Первый корпус – эмпирические данные по спорам, собранные в процессе полевой работы. Это направление исследования (проведенного группой студентов и обобщенного в ходе семинара) дало нам значительное количество аргументов и ситуативных приемов, из которых мы могли выбрать оправдания, регулярно используемые в повседневной жизни. Давайте вспомним ситуацию, хорошо знакомую в нашей среде, например, дискуссию о достоинствах книги, недавно опубликованной коллегой. Можно утверждать, что эта книга широко известна или что она хорошо продается. Однако можно свести на нет эти похвалы, утверждая, например, что такая книга не является результатом систематической или, с другой точки зрения, по-настоящему творческой работы. Ценности или величины, приписанные людям или объектам, становятся особенно заметными, когда ситуация превращается

в спорную, так что изучение подобных ситуаций является весьма удобным случаем для выявления этих величин.

Второй использованный нами корпус данных представлял собой ряд классических текстов по политической философии. Этот выбор был обусловлен тем фактом, что в процессе эмпирически наблюдаемых споров люди не обязательно развивают свои доводы систематически, поэтому аналитику порой трудно обнаружить те принципы эквивалентности, которые способствуют процессу оценивания и квалификации. Напротив, подобные требования систематичности, ведущей к разъяснению принципов, — суть политической философии. Для того, чтобы быть убедительной, она должна показать обоснованность того общего блага, на котором основана. Таким образом, сравнивая различные конструкции политической философии, мы установили различные принципы эквивалентности и построили модель того, как они могут поддерживать притязания, поддающиеся оправданию.

Мы использовали политическую философию в качестве обходного пути, чтобы улучшить наше понимание той компетенции, которую акторы применяют тогда, когда они должны оправдать свои действия или критику. Процесс спора нельзя свести ни к прямому выражению эгоистичных интересов, ни к анархичной и бесконечной конфронтации разнородных мировоззрений. Наблюдая за ходом споров, точнее говоря, споров, в которых исключается насилие, нельзя не заметить общих принуждений, формирующих поведение вовлеченных в них индивидов. Например, люди должны основывать свои аргументы на достоверных данных, выражая таким образом свое стремление к разрешению разногласия. Политические конструкции можно использовать в качестве надежных инструментов для прояснения этих принуждений и оснований суждений, которые чаще всего в неявной форме содержатся в аргументах, которыми люди обмениваются по ходу действия. Таким образом, наше использование этих канонических текстов было чисто инструментальным и, следовательно, в корне отличным от философской традиции. Мы изучали эти тексты ни ради них самих, ни как проистекающие из социального или исторического контекста, но как общую грамматику политической связи.

Конечно, мы не предполагаем, что каждый читал те работы, которые мы использовали для построения моделей компетенции, используемой людьми, вовлеченными в спор. Но разъясненные и формализованные в этой политической философии порядки ценности также воплощены в объективированных устройствах, из которых состоят повседневные ситуации. Сейчас они составляют сущность значительного числа привычных институтов и социальных устройств, таких как участки для голосования, цеха, средства массовой информации, артистические шоу и семейные праздники.

Обращая особое внимание на процесс оправдания и критики, мы интересовались не столько концепциями политической философии, которые придают особое значение власти или принуждению, сколько теми из них, которые посвящены пониманию политического и социального равновесия. Эти конструкции объединяет то, что они представляют мир, в котором люди строго отделены от всех других существ и собраны воедино посредством основополагающего равенства. Таким образом,

отличительным признаком этих философских конструкций является особый акцент на общей человеческой природе. В различных конструкциях, которые мы использовали для объяснения обычного чувства справедливости, люди равны, поскольку они все принадлежат к человечеству. Но как показывает сравнение текстов из разных традиций, каждая из этих конструкций предлагает особый принцип порядка, или эквивалентности, который можно применить для определения того, в чем же состоит «величина» или ценность «великих», определяя, таким образом, основу поддающегося оправданию порядка среди людей.

Человек, вовлеченный в ситуацию критики, должен быть наделен способностью переходить от одной формы оправдания к другой, сохраняя те же самые требования. Попытка прояснить эти требования, общие для различных порядков, привела нас к выявлению общей модели (*modèle de cité*), включающей в себя все порядки ценности, которая объясняет возможность перехода от одного к другому или возможность достижения компромисса. Присутствие в центре модели двух разных основополагающих принципов – во-первых, принципа общей человеческой природы и, во-вторых, принципа порядка – создает напряжение. Ведь будучи размещенными внутри иерархии в соответствии с особым принципом порядка, люди равны, исходя из принципа общей человеческой природы. Из этого следует, что в данной модели решающим является различие между положением людей до любой формы квалификации, и положением людей, относящимся к процессу квалификации. Поэтому концепция, в которой решающими являются положения людей – их ценность или «величина», – будет расходиться с принципом общей человеческой природы*. Критический момент – это тот самый момент, когда разногласие по поводу ценности людей становится очевидным. Например, кто-нибудь выстроит свою критику таким образом: «Лучший компьютер отдали далеко не лучшему программисту». Или в другой ситуации: «Старший сын, который является наследником имущества, на самом деле не обладает качествами, необходимыми для управления им». Проявление этого разногласия создает сомнение в относительной ценности вовлеченных существностей, из-за которого возникает беспокойство. Для того, чтобы разрешить эти сомнения, необходимо укорененное в ситуации суждение. Чтобы понять, каким образом это суждение образовалось, мы должны обратить внимание на прагматические условия, в которых человеку приписывается ценность. И тогда перед нами встает вопрос об объектах и об отношении между людьми и вещами. Чтобы проанализировать случай с программистом, чья профессиональная компетенция была подвергнута сомнению, или случай со старшим сыном, которому отказали в необходимых моральных качествах, мы должны исследовать связи между людьми и множеством объектов, материальных и нематериальных, таких, как машины, компьютерные программы, инструкции, рекомендации, правила наследования, особенности почвы и т.д. Мы не будем рассматривать эти объекты только в качестве носителей символического значения, как это часто делают социологи. Наоборот, нам хотелось бы продемонстриро-

* См. в этом отношении попытку Алексиса Карреля построить «*cité eugénique*» («евгенический град») и ее последствия для истории демографии и статистики [12, р. 1275-1300].

вать то, как люди, пытаясь развеять свои сомнения, полагаются на вещи, объекты и приемы, используемые в качестве устойчивых референтов, на которых может быть основано испытание или проверка реальностью. Подобные проверки реальностью предоставляют суждениям возможность достигнуть обоснованного и легитимного соглашения, обеспечивая, таким образом, возможность завершения спора.

Для того, чтобы обнаружить миры объектов, на которых основывается проведение проверки реальностью, мы изучили третий корпус данных, включающий некоторые современные работы, служащие в качестве руководств или пособий по правилам поведения в современных компаниях. Эти руководства написаны для широкого круга читателей и призваны выполнять дидактическую функцию. Поскольку они предназначены для обучения людей тому, как справляться с новыми ситуациями и как действовать в уже существующих, они содержат ссылки на множество обычных объектов, которые, естественно, отсутствуют в философских трактатах о политике. Мы стремились отобрать самые разные пособия. Каждое из них посвящено выявлению особого способа определения ценности, но подразумевается, что все они найдут применение в одном и том же социальном пространстве, которое, в нашем случае, является пространством современной компании. Причина тому следующая. Выше мы выдвинули гипотезу о том, что одни и те же люди при переходе от одной ситуации к другой в один и тот же день и в одном и том же социальном пространстве должны использовать различные приемы оценивания, включая обращение к различным типам ценности. В наши дни компании являются весьма подходящим полем для проверки этой гипотезы. Особенно важно сочетание в современной компании разнородных ресурсов, ведущее к различным формам согласованности и основанное на различных принципах справедливости. Ситуации, близкие друг к другу во времени и пространстве, оправдываются на основе различных принципов. И одни и те же люди должны преодолевать эти ситуации. Взять, например, случай авиаконструктора, который в течение одного дня должен спроектировать экспериментальный лабораторный тест нового самолета, затем провести дискуссию с коммерческими директорами о технических аргументах, наиболее подходящих для продажи новой машины, затем пойти на ланч, куда приглашен сенатор (т.е. прием PR) и в конце дня снять галстук и посетить профсоюзное собрание местных руководителей CFDT. Этот же человек может, придя домой с опозданием, выслушать упреки жены и, наконец, посетить концерт недавно получившего известность, вдохновенного молодого пианиста.

Мы выбрали современные пособия по повседневной практике, которые могли бы сочетаться с классическими политическими текстами, из которых мы извлекли принципы порядка, применяемые в различных повседневных ситуациях. Затем мы осуществили достаточно непочтительную процедуру обработки этих «земных» пособий по практическим действиям вместе с бессмертными работами политических философов.

Теперь мы вкратце обрисуем общие миры, обращая внимание, во-первых, на взятые из классических текстов различные принципы порядка, лежащие в их основании, и, во-вторых, на те сущности (будь то люди или вещи), описанные в соответствующих практических пособиях, которые населяют данные миры. В работе «Об оправдании» [2] мы выделили шесть миров (табл.). Нам представляется, что этих шести миров достаточно для того, чтобы описать приводимые в большинстве повседневных ситуаций оправдания. Однако число 6 – отнюдь не магическое. Выделенные миры – это исторические конструкции, некоторые из них все более утрачивают свою способность подкреплять людские оправдания, и взамен возникают другие. Можно, например, задаться вопросом, не устанавливается ли в настоящий момент зеленая (экологическая) ценность или коммуникативная ценность.

Порядки ценности

Мир вдохновения

Создание этого мира основано на книге «О граде Божьем» св. Августина и трактате, который он посвятил проблеме благодати. В этом мире ценность находится в непосредственном отношении к внешнему источнику, из которого исходит любая возможная ценность. Эта ценность основывается на достижении состояния благодати и, следовательно, абсолютно независима от признания другими. Она возникает в теле человека, в особенности, подготовленном аскетизмом, главным образом, при помощи чувств. Проявления ее различны и многообразны: святость, созидание, художественная чувствительность, воображение и т.д. Тем не менее, на этот мир ссылаются всегда, когда люди достигают ценности, не заботясь о мнении других. Например, это относится к артистам. Артисты не обязательно отвергают знаки общественного признания или

финансовую поддержку, но для того, чтобы принимать их, они должны пойти на компромисс (которого всегда нелегко достичь) с ценностью другого типа, например, с ценностью известности или рынка. Даже когда они добиваются признания, они никогда не связывают ценность своей работы или свою собственную ценность с успехом.

Чтобы выявить объекты мира вдохновения, мы использовали практическое руководство, которое называлось «Креативность на практике», написанное консультантом по креативности», целью которого являлось развитие творческих способностей у руководителей. Как и в случае с другими пособиями, о которых мы скажем в дальнейшем, из данной работы можно извлечь список терминов, относящихся к людям, предметам, качествам и типичным способам построения отношений. Не вдаваясь в детали, можно показать, что миру вдохновения соответствуют такие существа, как, например, духи, сумасшедшие, художники, дети. Они значимы и велики, если они необычны, способны удивлять, эмоциональны. Типичным способом их действия является мечтание, воображение, протест или яркие переживания.

Домашний мир

Домашний мир был взят из комментария к работе Боссюэ «Политика, извлеченная из Священного писания». В домашнем мире ценность людей зависит от иерархии доверия, основанной на цепочке личных зависимостей. Политическая связь между существами рассматривается как обобщение родства и основывается на межличностных отношениях и на уважении к традиции. В этом мире у человека нельзя отнять причастность к своему телу, к семье, к своему роду, к сословию. В политической конструкции Боссюэ короля, который является высшим существом, можно сравнить с отцом, приносящим себя в жертву ради зависимых от него. В этой модели для того, чтобы оценить чью-либо ценность, нужно узнать его место в той сети зависимостей, из которой этот человек черпает свой авторитет.

Чтобы описать объекты сегодняшнего домашнего мира, мы использовали практическое пособие, обучающее хорошим манерам и общению с людьми в компании, предназначенное для социально мобильных работников, повышенных в должности (оно называется «Правила хорошего тона и карьера»). Согласно данной книге, важными и весомыми людьми являются начальники, шефы или даже родственники. Основные качества – это хорошие манеры, честность, преданность и наличие «характера». Типичные объекты – например, визитные карточки, дары, имения, дома, титулы. Среди соответствующих отношений упомянем акт рекомендации, рождение, воспитание, воспроизводство, приглашение.

Мир известности

Мир известности был взят из «Левиафана» Гоббса, в особенности из главы, посвященной чести. Если в домашнем мире ценность имеет значение только в иерархической цепочке существ, то в мире известности – это результат мнения других людей. Мера ценности человека зависит от конвенциональных знаков общественного признания.

Этот тип ценности основывается только на количестве признающих человека индивидов. Таким образом, она не имеет никакого отношения к сфере личных зависимостей и не связана с самоуважением человека. По этой причине, если обнаруживается расхождение между самоуважением человека и признанием его другими, могут возникнуть споры: подлинной реальностью этого мира является признание другими людьми.

В качестве руководства мы использовали пособие, обучающее приемам PR, «Принципы и технология связей с общественностью». Соответствующие этому миру люди – это знаменитые личности, звезды, лидеры общественного мнения, журналисты. Они велики и весомы, только когда знамениты, признаны, успешны или убедительны. Обычными объектами данного мира являются торговые марки, знаки отличия, средства получения и передачи информации, пресс-релизы и буклеты. Соответствующий способ построения отношений – это влияние, отождествление себя с кем-либо, обращение или разговоры о ком-либо, а также сплетни и слухи.

Гражданский мир

Наверное, ни одна работа не дает лучшего представления о гражданском мире, по крайней мере, в его французском варианте, чем книга Руссо «Об общественном договоре». В гражданской политике, так же, как и в семейной, как она представлена Боссюэ, гражданский мир зависит от власти суверена, чье преобладание над эгоистичными желаниями индивидов гарантирует общее благо. Но суверен Руссо не имеет конкретного воплощения. В гражданском мире, когда граждане отказываются от частных интересов и стремятся исключительно к общему благу, их волеизъявления сходятся в одной точке. Так формируется суверен. Гражданская ценность противостоит как личностным зависимостям, на которых основана ценность домашнего мира, так и мнениям других, образующим ценность известности. В гражданском мире люди незначительны, если их рассматривать как обособленных друг от друга индивидов, действующих согласно своей эгоистической воле. Наоборот, если считать их членами не имеющего конкретного воплощения суверена, заботящегося только об общем интересе, они значительны и соответствуют гражданскому миру. Чтобы составить список основных объектов, личностей и приемов гражданского мира и описать рассматриваемые с этой точки зрения ситуации в компаниях, мы использовали два дополняющих друг друга профсоюзных пособия, опубликованных CFDT, «Как выбирать или назначать делегатов» и «Профсоюзная секция». Способ организации рабочей силы в сфере труда регулируется социальными законами, которые сами по себе есть результат стремления девятнадцатого века применить гражданский принцип эквивалентности.

Особенностью гражданского мира является акцентирование внимания не на индивидуальных, а на коллективных сущностях. Отдельные индивиды могут считаться соответствующими и значимыми только тогда, когда они принадлежат группе или когда являются представителями коллективного лица. Поэтому важные в данном мире субъекты – это федерации, сообщества, представители или делегаты. Их качества: официальность и соответствие закону. Соответствующие объекты могут быть как нематериальными (например, правила, ко-

дексы, процедуры), так и материальными (профсоюзные помещения или избирательные урны). Достойными считаются те отношения, которые мобилизуют людей для коллективного действия.

Мир рынка

«Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита (в основном первые главы, в которых говорится о том, как работает рынок) содержит аргументы, основывающие гармоничную политику на принципе рынке. Рыночная связь координирует индивидов благодаря редкости товаров, приобрести которые стремятся все. Это соревнование желаний индивидов ставит в зависимость от желаний других цену, приписанную обладанию товаром. «Спокойное желание богатства», как пишет Альберт Хиршман в своей книге «Страсти и интерес» [13], цитируя Фрэнсиса Хатчесона, позволяет установить гармоничный порядок, преодолевающий смешение индивидуальных интересов.

Мир рынка нельзя смешивать со сферой экономических отношений. Напротив, мы попытаемся продемонстрировать, что экономические действия основываются, по крайней мере, на двух главных формах координации: одной — рыночного и другой — индустриального порядка, причем каждая из них является опорой для различных проверок реальностью.

Нам не удалось найти современное французское пособие, которое можно было бы использовать для описания объектов, соответствующих современному коммерческому миру. Поэтому мы обратились к французскому переводу американского издания, предназначенного для обучения широкого читателя искусству бизнеса, — «Чему не учат в Гарвардской школе бизнеса». Для наших целей эта книга представляется особенно интересной, поскольку за основу делового успеха в ней взят опыт, совершенно не связанный с промышленным производством: автор разбогател, продавая имена знаменитостей рекламным агентствам.

Важными субъектами мира рынка являются покупатели и продавцы. Они значимы, когда они богаты. Основные их качества — это оппортунизм при обнаружении и использовании возможностей рынка, необремененность какими бы то ни было личными узами и эмоциональная сдержанность. Друг с другом их связывают отношения конкуренции.

Индустриальный мир

Индустриальный принцип эквивалентности был извлечен из работ Сен-Симона, основателя французской социологии. В этом мире ценность основывается на эффективности. Ее можно измерить, используя шкалу профессиональных способностей. Связанная с производством материальных благ, индустриальная ценность поддерживается посредством организационных приемов, нацеленных на будущее планирование и инвестирование.

Чтобы описать предметы индустриального мира, мы использовали пособие по продуктивности «Производительность и условия труда». Значимыми лицами индустриального мира являются специалисты. Термины, используемые для описания их профессиональных качеств, можно использовать для определения вещей. Считается, что они обладают ценностью, когда они эффективны, продуктивны, оперативны. Они

используют орудия, методы, критерии, планы, цифры, графики и т.д. Их отношения считаются гармоничными, если они организованы, измеримы, функциональны, стандартизированы.

Критика и компромиссы

Критика может быть внутренней для данного мира, если отмечаются недостатки или ошибки. Тогда сущности квалифицируются заново или обнаруживается их релевантность. Либо критика может быть более радикальной и основанной на внешней по отношению к данному миру позиции. В этом случае критика ведется извне и ориентируется на альтернативный мир. Именно благодаря тому, что люди, в отличие от вещей, могут существовать во множестве миров, у них всегда есть возможность осудить ситуацию как несправедливую (даже если критика не является одинаково легкой, что зависит от текущих ограничений, с которыми им приходится сталкиваться). В предложенной нами модели критическую способность можно рассматривать как типично антропологическую позицию.

Можно эмпирически продемонстрировать, что большая часть обычной современной критики становится возможной благодаря соединению двух (или более) различных миров, которые мы схематично обрисовали. Однако цель критики бывает более или менее радикальной. Поэтому мы можем выделить две формы критики, основанной на внешней по отношению к данному миру позиции.

Первая форма состоит в разоблачении проверки реальностью, релевантной для некоего мира путем обнаружения внутри самого механизма проверки посторонних сущностей (или аутсайдеров), соответствующих другому миру. Давайте представим себе, например, школьный экзамен, целью которого является определение способностей ученика и который, следовательно, можно назвать в основном индустриальным. Можно обвинить ученика в том, что во время экзамена он продемонстрировал статус и богатство своей семьи при помощи своих манер, изысканного произношения, элегантного пиджака и т.д. В то же время, можно осудить учителя, обвиняя его в том, что, осознанно или неосознанно, он принял во внимание эти признаки богатства, которые не должны быть уместными при школьном оценивании. В таком случае ситуацию критикуют как несправедливую, так как ценность, соответствующая одному миру, была привнесена в другой. Мы будем называть этот случай смещением ценности. Основной принцип, на который опирается проверка, не подвергается сомнению. В этом случае обвинение сконцентрировано исключительно на обнаружении ценности, принадлежащей другому миру. Людей обвинили в том, что они привнесли этот мир в ситуацию экзамена. Таким образом процесс возмещения будет заключаться в проведении нового, более «чистого» экзамена.

Но критика может быть и более радикальной. Покажем другую возможность, при которой объектом критики является сам принцип эквивалентности, на котором основана проверка реальностью. В этом случае цель критики — замена текущей проверки другой, соответствующей другому миру. Теперь спор направлен уже не на то, как сконструировать проверку, чтобы она была спра-

ведливой, а на понимание того, какая проверка, соответствующая своему миру, действительно подошла бы ситуации. Давайте снова представим ситуацию экзамена. Но на этот раз экзамен проходит в тот день, когда за окнами студенты протестуют, отстаивая свои гражданские права. Приехала полиция. За окнами слышны крики. Учитель мог бы осудить то, что его коллеги продолжают проводить экзамен, в то время как полиция избивает студентов. Он может сказать что-то вроде: «Сейчас важно не проводить экзамен, а показать свою солидарность со студентами».

Как ясно из последнего примера, чем менее отчетлива ситуация (в том смысле, что она содержит объекты, соответствующие различным мирам), тем легче ее осудить. То есть в последнем случае это учителя, доски, расписания и т.д., с одной стороны, и протест, права, плакаты с политическими лозунгами, требования солидарности и т.д., с другой. Подобные ситуации будем называть смешанными ситуациями (*situations troubles*). Такие ситуации, содержащие объекты из различных миров, особенно подвержены критике. Возможно, именно по этой причине ситуации, в которых осуществляются важные проверки реальностью, обыкновенно задумываются предельно четкими. Для того, чтобы помешать критике и затруднить отрицание проверки, объекты из других миров удаляются.

Путем совмещения шести вышеупомянутых миров, мы составили матрицу, на основе которой мы обозначили наиболее частую легитимную критику в нашем обществе. Так, например, можно положиться на гражданский принцип эквивалентности, чтобы осудить личные связи домашнего мира. Например, это тот случай, когда профсоюзные работники осуждают патернализм в цеху. Но, с другой стороны, можно с точки зрения домашнего мира критиковать гражданский способ связывания людей, например, осуждать тоталитарный эффект правовых отношений, разрушающий искренние, гуманные и теплые отношения между индивидами.

Путем эмпирического исследования этой матрицы можно также обнаружить, какие из ее элементов наиболее перегружены. Во Франции, например, с гражданской точки зрения очень часто разоблачают скрытые, семейные связи. Это подтверждается бесчисленными скандальными обличениями. Это тот случай, когда, например, некто раскрывает родственные или дружеские связи, тайно соединяющие мэра и подрядчика, которому городской совет доверил постройку новой спортивной площадки.

Когда радикальная критика ставит под сомнение сам принцип, на котором основана ситуация, спор превращается в соревнование между двумя различными проверками реальностью. Если люди хотят прекратить его, они должны попытаться вернуться к одной, и только одной проверке.

Однако нужно принять во внимание и другой способ завершения спора и достижения согласия — компромисс между двумя мирами. При

* С этой точки зрения мы можем рассматривать организации как устанавливающие относительно долгосрочные компромиссы между различными мирами. Организации отличаются друг от друга различными мирами, на которых они основываются в большей степени, и компромиссами, поддерживающими их.

компромиссе люди сознательно стремятся к общему благу при помощи сотрудничества для того, чтобы настоящие сущности оставались соответствующими различным мирам, но при этом не пытаются выяснить принцип, на котором основано их согласие*.

Но компромиссы легко разоблачить. Когда люди идут на компромисс, они действуют так, как если бы они могли положиться на принцип более высокого порядка, на котором могла бы основываться эквивалентность между объектами разных миров. Например, ссылка на права рабочих – это компромисс между гражданским миром (где граждане имеют права) и индустриальным миром (в котором работники значимы и весомы как противопоставленные безработным). Правам людей как граждан в гражданском мире придали особый характер из-за их принадлежности к индустриальному миру. Эти слабые спорные конструкции (поскольку такое совмещение не выдерживает проверки на последовательность) можно усилить путем их объективизации в объектах или институтах, созданных из объектов, соответствующих различным мирам и объединенных посредством компромисса (как во Франции, например, «Экономический и социальный совет», соединяющий в объективированной институции элементы гражданского, индустриального и даже домашнего миров).

В завершение спора

Две возможности, которые мы только что упомянули – проверка реальностью и компромисс, – не единственные пути, которые можно выбрать для того, чтобы уйти от критического момента и вернуться к привычному ходу действия. Достаточно часто люди просто прекращают спор, не выстраивая нового соглашения, подтвержденного проверкой реальностью. Если мы хотим понять эти озадачивающие завершения, мы, возможно, должны оставить сферу справедливости, зависящую от принципа эквивалентности, и использовать другую логику действия, которая, как в случае аффективных отношений, отказывается от обращения к эквивалентности. Именно на такой логике основано прощение [3]. Говорить о забывании и прощении не значит оставить поле социальных наук. Безусловно, эти отношения, сотканые без всякого обращения к эквивалентности, тоже можно прояснить при помощи социологического, и даже эмпирического анализа, ведь недостаток критики – это не просто нечто отрицательное, не просто результат господства и отчуждения. Часто для того, чтобы не замечать или хотя бы не раскрывать, если что-то не ладится, требуется активное участие людей и особое умение. Без этой способности обычные отношения между людьми были бы просто невозможны.

*Перевод с английского К.А. Виноградовой
под редакцией А.В. Тавровского*

Литература

1. Boltanski L., Thévenot L. Les économies de la grandeur. Paris: PUF, 1987 (Cahiers du Centre d'Études de l'Emploi).
2. Boltanski L., Thévenot L. De la justification: Les économies de la grandeur. Paris: Gallimard, 1991.
3. Boltanski L. L'amour et la justice comme compétences. Paris: Éd. Métailié, 1990.
4. Boltanski L. The Making of a Class. Cadres in French Society. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Éd. de la Maison des Sciences de l'Homme, 1987.
5. Boltanski L., Thévenot L. Finding one's way in social space: A study based on games // Social Science Information. 1983. Vol. 22. № 4/5. P. 631-679.
6. Thévenot L. Rules and Implements: Investment in Forms // Social Science Information. 1984. Vol. 23. № 1. P. 1-45.
7. Thévenot L. L'action qui convient // Pharo P. and Quéré L. (eds.) Les formes de l'action. Paris: Éd. de l'EHESS 1990. (Raisons pratiques 1).
8. La regime de familiarité: Des choses en personnes // Genèses. 1994. № 17. P. 72-101.
9. Thévenot L. Un pluralisme sans relativisme? Théories et pratiques du sens de la justice // Justice sociale et inégalités / Ed. J. Affichard and J.-B. de Foucauld. Paris: Éd. Esprit, 1992. P. 221-253.
10. Canto-Sperber M. (ed.) Dictionnaire d'éthique et de philosophie morale. Paris: PUF, 1996. P. 789-794.
11. Ricoeur P. La place du politique dans une conception pluraliste des principes de justice // Pluralisme et équité: Penser la justice dans la démocratie / Ed. J. Affichard and J.-B. de Foucauld. Paris: Éd. Esprit, 1995.
12. Thévenot L. La politique des statistiques: Les origines sociales des enquêtes de mobilité sociale // Annales Économie Société Culture. 1990. № 6. P. 1275-1300.
13. Hirschman A. The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before its Triumph. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.

Дополнительная литература

- Boltanski L. La souffrance à distance: Morale humanitaire, médias et politique. Paris: Éd. Métailié, 1993.
- Thévenot L. L'action en plan // Sociologie du Travail. 1995. Vol. 27. № 3. P. 411-434.
- Thévenot L. Which road to follow? The moral complexity of an «equipped» humanity // Complexities in Science, Technology and Medicine / Ed. J. Law and A. Mol. 1999. (forthcoming).